

ШАБА 1

Она всегда помнила про раздражающий фактор, всегда! Выискивала его в любом месте, в любой ситуации, если ее что-то беспокоило, и ценой отлаженных до автоматизма стараний всегда исключала. Было нелегко. Одно дело, когда выбрасываешь на помойку вещь, потому что невыносимо видеть, потому что судорогой сводит глаза при взгляде на нее. Другое дело — поступить так же с человеком. С живым, между прочим, человеком. Его на помойку не оттащишь, не оттолкнешь, не устранишь... без колоссальных усилий.

Но получалось! Все равно у нее получалось избавляться и от людей тоже, если они являлись так называемым раздражающим фактором.

Теперь, сегодня утром то есть, все вдруг оказалось намного сложнее. Сегодня она вдруг поняла, что раздражающим фактором является самый близкий, самый родной ей человек. Как быть?! Как поступить теперь?! Устранить не получится, хотя и можно было бы постараться. Но нет, она не станет. Ни за что не станет! Устраниться самой? Каким образом? Уйти, раствориться, исчезнуть? Также сложно. Слишком длинный шлейф из обязательств за

Галина РОМАНОВА

ней тянется, чтобы можно было все просто взять и оставить на кого-то.

Да на кого же опять! Опять на этого человека, который вдруг оказался совершенно лишним, совершенно ненужным, совершенно бесполезным и ничемным созданием.

Как быть?..

— Марианна Степановна. — В кабинет заглянула секретарша, настороженно и боязливо глянула на нее синими глазищами из-под длинной челки. — К вам Алла...

Марианна отрицательно качнула головой, окинув секретаршу взглядом.

Хорошая девочка. Умная, рассудительная. Боится ее до смерти. Боится и ненавидит одновременно — за суровость обхождения. Оттого и смотрит всегда именно так — настороженно, с примесью за-таенного страха.

Боится, ненавидит, но терпит, не увольняется. Потому что умненькая, дрянь. Потому что знает, что нигде больше не найдет столь высокооплачиваемой работы. Образования соответствующего нет — раз. Прописки нет — два. Жить будет негде, уволься она, — три.

Вот и терпит. И вскакивает всякий раз, как по команде, стоит Марианне распахнуть дверь в приемную. И каждое слово ее ловит, дважды повторяет не нужно. И на коллектив доносит исправно — по пятницам после восемнадцати ноль-ноль.

Все бы хорошо, да только вот...

— Ксюшенька... — Марианна медленно потянула из пачки тонкую сигаретку.

• *Исполнительница темных желаний* •

— Да, Марианна Степановна! — девушка выпрямила спину, встав по стойке «смирно».

— Тебе бы пора поменять прическу.

Сказала именно так, что Ксюше сразу стало понятно — не обсуждается, это приказ.

— А что вы хотите, чтобы я сделала со своей головой?

— С головой? — Марианна надменно усмехнулась. — С головой у тебя пока все в порядке, надеюсь. Я говорю о твоей прическе.

— Простите! — симпатичная мордашка окрасилась розовым. — Простите, Марианна Степановна! Что вы хотите...

— Я хочу, чтобы ты избавилась наконец от этой конской челки. Что в самом деле за идиотизм?!

Ее голос начал набирать гневные обороты, а внутри все клокотало: ага, она вычислила еще один раздражающий фактор, требующий немедленной ликвидации.

— Хвост какой-то несуразный! Челка! Уши торчат! Серьги носишь цыганские! Воспитываешь тебя, воспитываешь, все одно — твое плебейское нутро найдет выход. — Ее правая рука, аккуратно пристроив сигарету на выемке пепельницы, лениво перебирала визитки. — Сейчас я тебе порекомендую одного очень хорошего мастера. Созвонись, скажи, что от меня... Завтра чтобы...

— Простите, Марианна Степановна. — Ксюша судорожно сглотнула, сцепив трясущиеся пальцы. — А вдруг он будет занят вечером?

— Меня это не волнует.

Визитка нашлась наконец и заскользила по полировке длинного стола для переговоров в сторону

Галина РОМАНОВА

входной двери, у которой тряслась перепуганная насмерть секретарша.

— Скажешь, что от меня, он не откажет. Все, ступай. Да... — Марианна досадливо нахмурилась. — Скажи Аллочке, пускай войдет. Только предупреди ее — у меня ровно десять минут и ни секундой больше.

Ограничивать собственную дочь во времени стоило. И стоило сообщить ей об этом именно через секретаря. Иначе...

Иначе будут долгие разговоры о материнском долге, вернее, о неисполнении оногo. Крики, вопли, даже слезы.

Нет, вот сколько раз она говорила ей:

— Детка, учись контролировать себя! Учись управлять эмоциями. Они же подконтрольны!

— А если нет, что тогда? — отзывалась дочь, пошедшая бунтарским норовом в своего папашу.

— Нужно вычислить просто, что конкретно тебя не устраивает, и избавиться от этого, — пыталась Марианна навязать ей свой принцип устранения раздражающего фактора.

— А если весь мир — говно! — принималась тогда орать Алла, вскакивала и носилась, носилась вокруг нее бешеной пчелой. — Если все вокруг не устраивает, что тогда, мамуся?! Взорвать все, да?! Пустить все и всех под откос?! Так же нельзя! Сегодня это раздражает, а завтра нет...

Такое вот было у ее дочери Аллы в голове. Все сумбурно в мозгах, неуравновешенно, не определено до сих пор. Точь-в-точь папаша ее идиотический, не сумевший ничего совершить в своей жиз-

• *Исполнительница темных желаний* •

ни. Даже дожить до совершеннолетия собственной дочери не сумел.

— Мать, привет.

Дочка холодными губами клюнула ее в щеку, увернувшись от ее поцелуя. Развалилась на кожаном диване у противоположной стены. Минут пять смотрела на мать с непонятым вызовом, потом проговорила со скорбным вздохом:

— Мать, мне нужны деньги.

— Какая новость! — Марианна холодно улыбнулась. — Они тебе всегда нужны. Что на этот раз стряслось? Кому нужен адвокат? Степе? Или, быть может, тому безработному, как его...

— Прекрати немедленно! — Алла тут же повысила голос, не дождавшись окончания. — Вечно ты начинаешь! Мне! Мне нужны деньги, а не моим друзьям.

— Зачем и сколько? — сразу перешла к делу Марианна, потянувшись за второй сигаретой.

Пора было бросать курить. Давно было пора, и врачи рекомендовали, и сама понимала. Но не могла пока себе этого позволить. Не могла! Еще оставались у нее в душе тонкие уязвимые струны, которые звенели и болезненно ныли, когда за них дергали. В такие моменты сжималось сердце, которое все давно считали окаменевшим. Глаза наполнялись слезами, хотя Марианнину способность прослезиться давно все ставили под сомнение. А под коленками становилось колко и холодно, будто кто-то приложил туда по громадному куску льда.

Сигарета ее спасала. Помогала застилать глаза дымом, чтобы не было видно, как они внезапно увлажняются. Исчезала предательская ломота под

Галина РОМАНОВА

коленками. И сердце ныло уже от никотина, а не от горечи.

Потому и закурила снова, хотя позволяла себе обычно не более одной сигареты в полтора часа.

— Мне нужно много, мать.

Алла специально широко разбросала ноги, чтобы позлить ее, знала же, как она не любит вольные позы. Называется, пришла денег просить! Могла бы и соблудности приличия.

— Много — это сколько?

Марианна ткнула ополовиненную сигарету в пепельницу. Не помогало!

Не помогал сигаретный дым бороться со скотством, изрыгаемым собственной дочерью. Какой же все-таки выродок получился от их с Пашкой пламенной любви! Как они ждали первенца, как надеялись, что родится мальчик. Сколько имен придумали для него! Спорили, помнится, даже скандалили иногда. Марианна хотела Глеба. Павел — непременно Альберта. Родилась Алла...

Нет, ее рождению тоже радовались, хотя и скрывали украдкой друг от друга легкое разочарование. И первый шаг ее привел их в неопиcуемый восторг. Павел тут же помчался в дежурный магазин за шампанским. Марианна нянчилась. Потом долго укладывали дочку спать, поочередно напевая колыбельную. А потом сидели вдвоем за большим столом в гостиной и пили бокал за бокалом и за ее здоровье, и за красоту, и за ум, и за удачливость.

Красотой и здоровьем Создатель Аллу не обидел. Высокая, длинноногая, со стройной ладной фигуркой, очень привлекательным лицом и удивительными карими глазами. Но вот с умом обнаружили

проблемы. И обнаружили в самый неподходящий момент, как раз после того, как Павла нашли мертвым на набережной. Врачи констатировали сердечный приступ и смерть от переохлаждения. Дочери бы поддержать мать, которая была просто раздавлена этой внезапной кончиной, а она...

— Это он из-за тебя умер, из-за тебя! — упрекала она со слезами и швырялась в Марианну учебниками, собиралась ведь школу в тот момент бросить, да. — Ты его довела! Он бы никогда не ушел из дома таким расстроенным и не замерз бы, когда с сердцем плохо стало, а ты... Ты его выгнала!..

А Марианна и не выгоняла его вовсе в тот вечер. Да, они повздорили. Но и раньше такое случалось. Да, она указала ему на дверь. Так первый раз, что ли! И уходил он до того в ночь не единожды. Но ведь всегда возвращался!

Алла после смерти отца очень быстро покати-лась по наклонной вниз. Так стремительно, как дочь, еще ни один человек не скатывался на глазах у Марианны. И главное — она ничего не могла с этим поделать! Пыталась бороться, запирает ее, так она вообще ушла из дома и пропала на две недели, пока с милицией ее не привели обратно. Марианна пыталась достучаться до Аллы нравоучениями. Так только «достала» ее — это цитата. Пыталась начать, наоборот, баловать. Та вообще обна-глела.

Теперь вот снова денег просит. И на этот раз очень много денег. Интересно, сколько?

Алла подошла к столу матери. Выдернула из настольного прибора листок для записок, быстро чер-

Галина РОМАНОВА

канула на нем карандашом и пододвинула его к матери.

— Ты собираешься?.. — даже уравновешенность ей не помогла, губы тут же задрожали от бешенства. — Ты собираешься купить микрорайон в нашем городе, дорогая?

— Ой, вот только не надо умничать, мама! — тут же взвилась дочь, возвращаясь на диван и усаживаясь в той же отвратительной позе. — Деньги мне нужны, чтобы открыть свой бизнес.

— Би-и-и-изнес??? — Марианна даже поперхнулась, чего никогда раньше не случалось. — Какой бизнес??? По клонированию таких же, как ты, бездельников? Или...

— Ма, я хочу салон красоты, — с ухмылкой перебила ее Алла и взглянула на часы: — Мое время, кажется, истекло. Твоя рязанская корова четко дала мне понять, что ты меня больше десяти минут терпеть не будешь. Все, пока! Деньги мне нужны уже через неделю. Изыщи возможность...

МАМА 2

— Приемная, — удушенным голосом отозвалась Ксюша на неожиданный в начале седьмого телефонный звонок.

Обычно к этому времени все телефоны замолкали. Ни свои, ни чужие не звонили, прекрасно зная суровый нрав хозяйки фирмы, установившей строгий распорядок рабочего дня. Как для своих, так и для чужих.

• *Исполнительница темных желаний* •

Секретарша должна была покидать свое рабочее место через три с половиной минуты после того, как подол юбки ее работодательницы исчезал за дверью приемной. Сегодня Ксюша непростительно замешкалась. А все из-за прически! Точнее, из-за звонка порекомендованному Марианной дамскому мастеру. Тот сначала очень долго не отвечал, потом был вне зоны доступа, а потом просто рассмеялся ей в ухо и деликатно послал куда подальше, сославшись на занятость.

Она ведь так и знала! Так и знала, что все именно так и будет. Нет, пристала! Ступай непременно к этому мастеру и избавься от челки. А куда она ее денет, челку-то? Вовсе сострижет? И на кого тогда будет похожа? У нее же лоб некрасивый. И прыщички на нем то и дело выскакивают. Только челка и спасала. Теперь вот надо что-то придумывать, куда-то бежать, искать мастера, чтобы сотворил с ее головой... нет, снова оговорилась, с ее прической куда чтобы сотворил!

А куда бежать?!

Бежать было некуда, потому что не было у Ксюши в этом городе знакомых хороших парикмахеров. А челку она сама перед зеркалом в ванной подравнивала. И вообще не было никого в этом городе. Ни родных, ни знакомых. Родственников понятно почему — все остались за Уралом. А вот что касается знакомых, так их не имелось вовсе не потому, что Ксюша тяжело шла на контакт, а потому что Марианна не приветствовала.

— Зачем тебе подружки? — выгибала она дугой идеальной формы бровь. — От них морока одна и предательство. А если время свободное занять не-

чем, так я тебе его работой забью дальше некуда. И досуг твой весь сведется к тому, чтобы успеть принять душ, покушать и поспать. Подруг ей подавай!..

Ксюша подчинилась, отказавшись дружить и с Тamarой из отдела сбыта, и с Лоркой, которая жила этажом ниже в такой же однокомнатной квартире, что и она. С той лишь разницей, что у Лорки квартира была в собственности, а Ксюша жила в своей на птичьих правах. Пока работала у Марианны, та позволяла ей жить в одной из своих квартир, которых по городу...

Приходилось терпеть, подчиняться, выполнять дурацкие приказы и избегать общения с людьми. Ну и врать соответственно приходилось тоже, потому что совсем-то она не могла жить в полной изоляции. Пускай подруг у нее не было, а вот друг...

— Привет, Ксюня! — тихо поприветствовали ее на том конце провода. — Ушла? Видел, можешь не отвечать. Видел, что ушла.

— Ушла, — со вздохом подтвердила Ксюша.

— А чего тогда так печалишься? Радоваться должна! Сегодня же четверг! Завтра уже пятница. Осталось терпеть-то... Проведем все выходные вдвоем. Запремся и никого не пустим. Только ты и я, больше никого! Мы же договаривались, помнишь?

— Помню, — Ксюша снова вздохнула. — Только до выходных еще далеко, еще завтрашний день пережить нужно.

— И что?! — не понял Саша Сурков, возглавляющий у них на фирме охрану. — Она с утра должна в мэрию отправиться, уже заказано сопровожде-

• *Исполнительница темных желаний* •

ние, потом у нее встреча с клиентами в кабаке на набережной, так что... Почти весь день видеть ее не будешь.

— А с утра!.. — ее голос начал набирать силу. — А с утра я должна предстать перед этой сукой, Сашка, с новой прической! И сделать ее должна у какого-то гомика, который открыл недавно салон возле собора и который послал меня сейчас на все четыре стороны. Что делать?!

— Ох, господи! — ахнул Саша, моментально поняв серьезность ситуации, в которую попала его девушка. — Что делать-то, Ксюш?!

— Не знаю!

— А только у него надо прическу сделать?

— Да! И сам знаешь, это не обсуждается. — Ксюша сунулась в крохотное зеркало от пудреницы и потеряла челку. — И чего пристала? Челка как челка! Конская, говорит!

— Она сама кобыла Пржевальского! — тут же взвился Сурков. — И когда только уgomонится! Не к одному, так к другому придерется. У меня из охраны двоих со свету сжила. Одного за то, что крошки у него на брюках вечно были. Второго... Второго за усы, Ксюш, представляешь?! Домоталась до его усов, пускай, говорит, сбреет. А тот ни в какую, шрам, говорит, на верхней губе. Лучше, говорит, уволюсь.

— И уволился?

— Да. Настырным оказался.

— Но я-то уволиться не могу, Саша. — Ксюшин голос дрогнул. — Ты же понимаешь, что я тогда окажусь на улице! И она ведь сделает, что меня